

КАК ИВАН ХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ

Ванька ел бабушкины каши, по утрам пил парное молоко и рос, как тесто на опаре, здоровым и крупным. Отец его смеялся: «Он растет на горе нам не по дням, а по часам!». Лет с десяти Ванька поднимал тяжести. С ровесниками играл и поталкивал их. Кого пихнет – тот лежит, а потом бежит домой жаловаться. Поругают Ваньку, а он свое. Понимал, что обладает силушкой могутной.

Сверстников далеко перерос, а вот умишком отставал. С первого класса учился туго и сидел в каждом классе по два года. И прозвали его Иван Балда. Окончив четыре класса вместо восьми, поступил учиться в строительное училище и научился только таскать кирпичи. После училища работал на стройке, куда пошлют. Прораб в шутку называл его своим заместителем. Еще не достигнув совершеннолетия, он пил и курил как заправский мужик. Не боялся никого, кроме девок. Бежал от них, как черт от ладана. А которая ему нравилась, та вызывала у него панику.

Улица, на которой он жил, была длинная и грязная. Из всех благ цивилизации было радио, которое день и ночь вещало, каких мы достигли высот. Однажды Ванька ходил в клуб на лекцию о достижениях народного хозяйства. Он задал вопрос лектору, сколько стоит один спутник. Лектор, не чувствуя подвоха, ответил:

– Не знаю, но миллионом явно не обошлось.

А Ванька продолжил:

– А сколько будет стоить засыпать лужи на нашей Партизанской улице и провести свет?

На что лектор ответил:

– Это не нашего ума дело, партия знает, куда вперед направлять деньги.

После лекции шел этот лектор, огибал лужи и думал: «Пожалуй, спутник запустить будет дешевле, чем засыпать лужи во всех наших грязных деревнях. Но главное, как это будет звучать: «Засыпали сорок луж в деревне Боровлянкс и двадцать пять в Чернявке!» Ну какие это достижения? Вот полет в космос – это да!»

А пока никто ничего не делал. Дальше по улице жила тетя Нюра-косая. Глаз у нее был один стеклянный. А почему косая? А потому, что если она смотрела своим глазом на собеседника, то другой (стеклянный) глядел в небо. Причину этого дефекта она объясняла так:

– Глаз мне вставляли в шестьдесят первом году, когда Гагарин полетел в космос, и поставили так, чтобы я следила за полетами космонавтов и докладывала в Кремль. Им-то там некогда на небо смотреть. Они заняты тем, что вручают друг дружке ордена и любятя ими.

На самом деле, когда ей вставили протез, она приехала домой. На радостях собрались подружки, чтобы обмыть событие, и в ходе гулянки Нюрка стукнулась лбом об косяк, и глаз повернулся, а назад – никак.

Вот у этой Нюрки жили две квартирантки, и одна шибко приглянулась Ване. Поглядывал он на нее, вздыхал, а поделать ничего не мог. Когда очередной раз девки проходили мимо, а Ванька смотрел на них, как Бобик из-за забора, это заметил его дядя по матери – дядя Володя. Он и посоветовал:

– Ты соберись, приди к ним и скажи: «Жениться хочу!» и всё, а то выглядываешь, как шпион из кустов.

Ванька думал-думал и надумал. На ноябрьские праздники дома гуляли. Балде тоже налили пару кружек браги. Вот у него и выиграла кровь. Надел он белую рубаху, шевиотовый костюм, новую фуфайку. Сапоги начистил до блеска, накрутил белые фланелевые портянки и обулся, шапку набекрень, и пошел к Нюре-косой. Уже седьмое ноября, а мороза все нет, и грязь непролазная. Выискивая фонариком места потверже, жених добрел до цели. Из окон Нюриной избенки едва пробивался свет. Иван, преодолев робость, постучался в дверь. Хозяйка не открывала долго. Ему пришлось садануть сапогом. Нюра откликнулась:

– Кто там?

Ваня ответил:

– Это я, тетя Нюра, Иван Балда!

Она спросила:

– Чо надо?

– Открой, тетя Нюра, я жениться хочу!

Хозяйка примолкла, а потом вдруг резко открылась старая дверь. Жених пригнулся и шагнул внутрь. В сенях света не было, и ручку избяной двери пришлось искать с помощью фонарика. Зашел в кухню, а сзади с палкой, которой запирают дверь, оказалась хозяйка. Стукнув палкой об пол, как Дед Мороз посохом, она спросила:

– Дак зачем ты пришел?

Гость обернулся и, остерегаясь палки, пробормотал:

– Дык это, я жениться хочу.

Он не знал, что квартирантки уехали на каникулы, и рыскал глазами по хате. Тетя Нюра, глядя одним глазом на Ваню, а другим на потолок, сказала:

– Разувайся и проходи.

А сама держит палку наготове.

Иван стащил кое-как с себя сапоги, портянки засунул поглубже в голяшки и бо-сичином прошлепал из кухни в комнату. Огляделся, а девок нет. Хозяйкина постель разобрана. Она снова громыхнула палкой и рявкнула:

– Ну раз пришел жениться, то раздевайся и ложись, – а сама смотрит на гостя с усмешкой.

Ваня топтался на месте и начал торопливо объяснять:

– Я это, ну хотел на квартирантке, у которой коса.

Тетя Нюра спросила:

– А чем я не гожа? Ты страшно умен, а я чертовски хороша. Вот будет пара, гусь и гагара!

Ванька продолжал упорствовать:

– Ты, тетя Нюра, старая, а мне дети нужны. Чтобы был наследник.

– Старая! – возмутилась хозяйка. – Я еще рожу, как выстрелю!

Сказала и нехорошо заулыбалась. И Ванька подумал: «Пора рвать когти», а тетя Нюра подумала: «Пора завязывать комедию». И только повернулась спиной, Ванька прыгнул из комнаты в кухню, при этом сбил с ног хозяйку, хватанул сапоги за голенища и рванул из дома.

Он бежал в темноте по грязной улице, поскользнулся, падал, вставал и снова бежал, будто его преследовала ведьма, которая одним глазом целилась ему в затылок, а вторым в американский спутник.

Дома его встретили вопросом:

– Ты откуда такой?

Он пробормотал:

– Да жениться хотел, но не получилось.

Под утро ударил морозец и следы, оставленные на дороге, разглядывали люди, которые шли на работу. Удивлялись и строили предположение, что по их улице ночью ходил снежный человек.

А человек был обыкновенный, он просто хотел жениться.

О ЛЮБВИ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Между бескрайних полей и холмов, устремляя свои воды к холодному океану, текла красавица Обь.

Она гордилась тем, что в ее глубинах жило бесчисленное множество рыб. Ее чистыми водами пользовались всякие животные и звери. Несчитанные птицы находили приют и корм, и разные народы населяли ее берега.

Красивая и гордая, жила она тысячелетия, не зная усталости и старости, лишь Ветер иногда морщил ее поверхность да мороз сковывал льдами. Но была у нее единственная любовь – это Солнце.

Весной она освобождалась от ледяного плена и повторяла:

– Здравствуй, Солнышко, здравствуй, любовь моя! Ты опять пришло ко мне на выручку. Спасибо тебе, милый друг.

Вздыхнет весенним половодьем и войдет в свои берега.

Однажды в тихую погоду в реку смотрелся Месяц, любуясь своим отражением. И вдруг сказал:

– Давно я люблюсь тобой, твоей широтой, твоим голубым нарядом и думаю, что я тебя люблю. Я никогда не устаю любоваться тобою.

Дрогнула Обь от таких слов, присмотрелась к Месяцу и говорит:

– Я знаю, что я прекрасна. Но всегда думала, что ты любишь себя. Ты тоже красив, но я боюсь, чтобы твои острые рожки не поранили меня, когда мы будем сближаться. Ты, наверно, горячий, потому что светишься. И как бы не остыл, прикасаясь ко мне. Еще я боюсь закипеть от любви, и тогда погибнет все живое во мне и вокруг меня.

Месяц долго уговаривал красавицу Обь, предлагая свою дружбу. Красавица сдавалась:

– Ладно, давай дружить, может быть, из этого что-нибудь получится.

Этот разговор подслушал Ветер, собрал все силы и налетел на реку. Долго он бушевал, потому что был очень ревнив. Когда Ветер устал и обессиливший прилегал отдохнуть, снова появился Месяц. Обь удивленно спросила:

– Почему ты перевернулся?

И тот ответил:

– От того, что вытворял этот проказник Ветер, можно перевернуться.

Отдохнувший Ветер снова долго буянил. Когда он, устав, устроился на отдых, тучи рассеялись, и на небе показалась Луна.

– Ты кто? – спросила удивленная Обь.

– Я Луна, а что?

– А где же мой друг Месяц?

– Месяц? – Луна рассмеялась. – Месяца нет, есть лишь я, Луна, а Месяцем называют иной мой облик.

– Но как же так? Я почти влюбилась, он говорил мне такие красивые слова!

И Обь убедила себя, что ей хватит любви тех, кто ею пользуется, и она будет любить их, ласкать волнами и отдавать им саму себя.

И впредь стала она взирать на Месяц равнодушно и жить спокойно, как и раньше. А Месяц, когда появлялся, любовался собой, отражаясь в ее голубых чистых водах.